

XXXVII.

Облик этой дамы произвел такое на меня впечатление, что глаза мои начали испытывать слишком сильное наслаждение, когда они ее видели. Это меня огорчало, и я почитал себя низким. Не раз я упрекал в легкомыслии свои глаза и говорил им мысленно: «Когда-то вы заставляли плакать видящих ваше скорбное состояние, а теперь, кажется, вы стремитесь забыть об этом из-за дамы, вас созерцающей; она же глядит на вас лишь потому, что глубоко сожалеет о преславной даме, которую вы обычно оплакиваете; что же, продолжайте поступать так, как желаете, я сумею часто напоминать вам о ней, проклятые глаза, и помните, никогда до самой смерти ваши слезы не должны иссякнуть». Так про себя я говорил моим глазам, и глубокие скорбные вздохи снова не давали мне покоя. И чтобы битва моя с самим собой не была известна только несчастному, ее ощущающему, я решился поведать в сонете об ужасном моем состоянии. Тогда я написал сонет, начинающийся: «Глаза мои...» Он содержит две части: в первой я говорю моим глазам то, что сердце мое говорит во мне; во второй я предвосхищаю возможное сомнение, пояснив, кто так говорит. И эта часть начинается: «Так сердце...» Сонет этот можно было бы подвергнуть дальнейшему разделению, однако оно было бы излишним, так как смысл его ясен из предыдущего изложения.

Глаза мои печальные, не вы ли
Меня к скорбям столь длительно вели?
Другие люди – видеть вы могли, –
4 Вам сострадаю, часто слезы лили.
Мне кажется, что вы ваш долг забыли,
Я не предатель на путях земли,
И я хочу, чтоб слезы унесли
8 Беспамятство, чтоб вы одной служили.
Но ваша суета меня смутила.
Я взоров опасуюсь той жены
11 Прекрасной, что порой на вас глядит.
Глаза мои до смерти не должны
Забывать о вашей даме, что почила!
14 Так сердце, воздыхая, мне твердит.

XXXVIII.

Я видел вновь и вновь лицо сострадательной дамы в столь необычном виде, что часто думал о ней как об особе, слишком мне нравящейся. «Эта благородная дама, – размышлял я, – прекрасная, юная и мудрая, появлялась, как можно судить, по воле Амора, чтобы в жизни моей я нашел отдохновение». И часто я думал еще более влюбленно, так что сердце мое все глубже воспринимало доводы этой мысли. И когда я уже был вполне готов с ними согласиться, я снова погружался в раздумье, как бы движимый самим разумом, и говорил самому себе: «Боже, что это за мысль, которая столь постыдно хочет меня утешить и почти не допускает иную мысль?» Затем восставала другая мысль и говорила: «В таком мучительном состоянии ты находишься, почему не хочешь освободиться от скорбей? Ты видишь – это наваждение Амора, приводящего к нам любовные желания. Amor исходит из столь благородного места, каким являются очи дамы, показавшей столь великое ко мне сострадание». Так я, борясь с самим собой, хотел выразить мое душевное состояние в стихах. И так как в столкновении моих мыслей побеждали те, которые говорили в ее пользу, мне показалось, что мне следует к ней обратиться. Тогда я написал сонет, который начинается: «Благая мысль...» И я говорю «благая», поскольку мысль эта говорила о благородной даме, хотя в остальном была она весьма низкой.

В этом сонете я делю самого себя на два начала, следуя раздвоению моих мыслей. Одну